
Алёна КУБАРЕВА

РАССКАЗЫ

ГДЕ МОЙ ПОЛОВНИК

— Надо взять половник и саму себя черпать...

— Что? — Я оторвалась от своих тетрадей и книжек и удивленно посмотрела на тетю.

— Надо черпать саму себя! — повторила она и вдруг взглянула на меня испуганно. — Ты не выдашь меня?

— В смысле, тетя Лид?

— Там кто-то стучит. В дверь. Ты не выдашь? — Тетя Лида замерла, подняв узловатый палец. В ее глазах — ужас.

— Пойду посмотрю, — Я пожала плечами и встала со своего места.

Тетя Лида схватила меня за руки и всхлипнула.

— У меня ведь ничего нет! Совсем ничего! Меня уже завтра отсюда увезут! А если дождь закончится... — Она вдруг закрыла лицо руками и мелко затряслась, повизгивая и подвывая.

Я устало опустилась рядом с ней на диван и погладила по голове.

— Вас не увезут. Вы тут живете уже сорок лет, это — ваш дом!

— Сорок лет? А какой этаж?

— Девятый...

Тетя Лида перестала плакать и захлопала в ладоши.

— Ура-а-а! Девятый! Как хорошо! — И она счастливо засмеялась.

Господи, что я тут делаю? Я, которой так много надо!..

И ведь это не вчера началось. Сколько лет я только тем и занимаюсь, что за всеми разгребаю! Почему? Это что — и есть моя судьба, мое предназначение?!!

Тетя Лида снова плакала.

— Я ведь учусь, а мать не знает. А если узнает, будет меня бить.

И — тут же, без перехода:

— Что это у меня на ногах?

— Где?

— Вот!

— Тапочки.

— Тапочки. Сiju я. Не обращайтесь внимания. — Тетя Лида схватилась за сердце. — Я считаю, я правильно делаю, что не живу...

— Что?

— Не живу, — старушка грустно улыбнулась. — Сердце у меня никуда не смотрит.

Алена Борисовна Кубарева родилась в 1981 году в Москве. Окончила МГПУ, факультет психологии. Работала психологом в школе, корреспондентом новостей (телеканалы «Столица», «Москва-24»), редактором программы «Афиша» (телеканал «Столица»), выпускающим редактором программы «Наше время» (телеканал «Совершенно секретно»). В 2016—2018 годах обучалась на ВЛК Литературного института им. Горького (семинар М. М. Попова). В 2019-м окончила Курсы литмастерства там же (семинар прозы, руководитель — А. Ю. Сегень). Живет в Москве.

А я — живу? И куда мое сердце смотрит?

«Сегодня идет без конца те же тучи, гряды за грядой...»¹ Когда-то тетя Лида работала инженером, ездила в санатории, ходила в турпоходы. На байдарках сплавила! С мужем разошлась, детей не случилось. Она даже радовалась: «Как хорошо одной!» А теперь ей — восемьдесят пять, и она никому не нужна, кроме своей деменции, которая с каждым днем пожирает ее все больше... Вот она сидит под дверью и разговаривает с воображаемым собеседником. О чем-то спрашивает, уговаривает — готова отдать ему ключи и вообще все.

— Забирайте! Все — для вас...

Все — для вас!.. Ничего или почти ничего — для себя.

Была у меня сестра. Мать считала ее гениальной. За это сестре можно было не убирать в квартире, не мыть посуду, не стирать, не гладить — вообще не пахать. Все это делала я. А сколько раз сестра пыталась покончить с собой — три, четыре? Наедалась таблеток. Резала руки. Потом я собирала тряпкой содержимое ее желудка, вытирала кровь... И все думала: почему — я? Почему я не могу вот так же — вскрыть вены, наглотаться какой-нибудь дряни, не думая о тех, кто будет бегать по больницам и участковым, кормить меня с ложечки, вытирать пол? Вообще, если что-то с собой делать, то — сразу из окна. Я всегда боялась высоты — потому что неудержимо тянет. Вниз. И кого мне жалеть? Дворников, которые будут отскребать меня от асфальта?.. Да, их мне тоже жаль...

Однажды сестра залезла на рояль и написала тушью на потолке: «Жалко, бога нет!»² У нее его не было. У меня — есть...

А когда сестра умерла, у меня на руках остался ее маленький сын.

«Мама!» — доверчиво говорил он, улыбаясь и протягивая мне свои нежные пухленькие ручки.

«Я — не мама. Мама больше нет», — терпеливо объясняла я.

На глаза его наворачивались слезы...

— А ко мне писатель пришел! С мальчиком! У него такие интересные лапотки. Новые! — тетя Лида рассказывает мне очередную историю, бог знает откуда взявшуюся в ее голове. — Вот — видишь, сидит у меня, дурачок!

Когда мне было девять, меня оставили на несколько часов одну с бабушкой. Бабуля, полупарализованная после инсульта, лежала на кровати и только «мекала»:

— Ме-ме-ме-е-е!

— Что ты хочешь? — дрожа, спрашивала я.

— Ме-ме-е...

— Кушать?

— Ме-е-е...

— Пить?

— Ме-е-е...

Как же страшно было подходить к ней!.. Ведь это — уже не та бабушка, которую я знала: строгая, скрытная, чистоплотная. Это — жалкий, гниющий полутруп. И смотреть-то жутко! А уж как ныло сердце!.. Я старалась подольше оставаться в саду. Вот и подружку пригласила, и затеяла с ней игру в догонялки — только бы не идти к бабуле! Бегу и соображаю: так — нельзя. А сердце-то, сердце — болит! Ну, не могу! Так хотелось забыть про обязанности! Так хотелось — быть собой, ребенком! Вот уже час,

¹ Строка из стихотворения И. А. Бунина «Одиночество».

² Финальная фраза поэмы «Цыгановы» Д. Самойлова.

два, как я не навещала ее. А идти — надо! Наконец пересилила. Бабушка сползла с кровати и сидела, привалившись к ней, вся в ... Она смотрела вперед невидящими глазами и что-то нашаривала на полу.

— Бабушка!..

Я разрыдалась. Мне никогда это не убрать! Она увидела меня, ухватила, притянула к себе и пронзительно закричала в самое ухо:

— Ме-е-е!..

— Бабушка! А-а-а! — Я запаниковала, задержалась во все стороны, мгновенно ощутив страх смерти. Вырваться, скорее вырваться из ее омерзительных, грязных липких рук! Но бабуля, похоже, вложила в эту хватку всю свою последнюю силу. Поняв, что оторвать бабушкины пальцы от себя не удастся, я постаралась ее поднять... Сорок килограммов против ста двадцати. Я чуть не сломала спину. Противно, больно, плохо... И я ничем, ничем не могла ей помочь! Я плакала — и бабушка тоже. Ме-е-е!..

— Я — Лидия Ивановна!

— Я знаю.

— Я должна знать, где мой дом.

— Он — здесь!

— Сразу?

— Что — сразу?

— А вдруг он меня выгонит?

— Кто?

— Ну, он... Дом.

— Да никто вас отсюда не выгонит, успокойтесь! Живите себе! — улыбаюсь я.

Всплескивает руками, улыбается в ответ.

Бедная тетя! Несчастное дитя! Хотя, может — счастливое? Ведь каждый день для нее — новый и молодой. И мать еще жива, и отец, и старшие братья. И учится она, и работает, и на прогулки ходит. И в парикмахерскую, и в зоопарк. И одежду сама себе шьет. А то и из-за границы привозит... Все это она рассказывает мне. Каждый раз — по-другому. И при этом она — радуется. Но вдруг приходит печаль.

— Я вот все время думаю...

— О чем, тетя Лида?

— Надо что-то делать!

— И что — надумали?

— Да! Надо черпать! Черпать надо себя!

МЕСТЬ

Бац! Словила удар ногой.

В солнечное сплетение.

Упала на колени.

Воздух!

Не было его.

Инстинктивно поползла в сторону корпуса. Колени не чувствовали наждачки асфальта. Челюсть — до земли. Глаза — навек.

Воздух не шел.

— Это тебе за то, что отряд подвела! — наставительно проговорил Емеля, идя рядом. Показалось, командирски чеканил шаг.

Бил не он — для этого слишком рассудительный. Бил этот — Серый. Привык. Еще двое стерегли, один — истринский, Васька, второй — москвич, Гапон.

Сколько ползла — не знала. В голове — ничего, кроме желания достать где-то кислород.

Корпус.

— Не вздумай жаловаться! — подарил Емеля на прощание. Как приклепнул.

Конвоиры попинали для порядка, развернулись и ушли.

Еле забралась на второй этаж. Заползла в палату. Тут только смогла вздохнуть.

— А-а-а!..

Дико, взхлеб разрыдалась.

Галка не хотела в лагерь. Умоляла не отправлять. Плакала. Но вдруг у автобуса заметила красивого рослого мальчика. Сразу запомнила имя — Антон. И фамилию — Емельянов. «Емеля... Какие у него глаза!» Утешилась. Смирилась.

Мать, провожая, напутствовала:

— А вот от этого, — показала пальцем, — держись подальше. Явно хулиган.

Вид у Дениса Агеева — тоже сразу запомнила — и впрямь разбойничий. Темные взлохмаченные волосы. Лицо — в веснушках. Один глаз почти закрыт. Хриплый голос. Не хватает пистолета на боку. И кривой сабли.

Разговаривал со всеми фамильярно. На любое обращение театрально отвечал: «Покайся, сын мой!» или «дочь моя!», в зависимости от пола. Но не от возраста.

Галка твердо решила обходить его стороной. Но этого не потребовалось. Денис вечно где-то пропадал — ни на одной линейке его не видели. Наверное, рыскал по территории на предмет безобразий.

Через несколько дней после начала смены четвертый — Галкин — отряд повезли в бассейн. В бассейн! Дома о таком и мечтать нельзя.

Долго и с завистью смотрела на ловко нырявших сверстников. Вон тот — кролем! А этот — вообще на спине!

Вздохнула, побрела в лягушатник. Но вскоре надоело плескаться с малышами — решила заглянуть в большой. Там у одного края — по подбородок. Главное, не заходить глубже.

Но как же не заходить? Бассейн!

И Галка поплыла. Вернее, забултыхала, застучала по воде ногами и руками. Выдохлась. Где-то должно быть дно...

«Тону!» Судорожно начала хлебать воду. Выпучила глаза. Но все равно погружалась.

Чьи-то руки подхватили и потащили к борту. Подкинули вверх.

Больно! Ударилась животом и подбородком о кафель. Но — жива.

Прокашлялась. Подняла глаза.

— Встань, дочь моя. Я тебя прощаю! — Денис еще не успел отдышаться, но уже ухмылялся. — Ты что же — не умеешь?

Замотала головой.

— Э-хо-хо-о... Пойдем. Научу.

Показал, как плавать брассом. Внимательно следил, пока Галка повторяла. Одобрительно кивал.

— Молодец! Получается!

Скоро уже почти без страха держалась на воде.

Но индивидуальные занятия быстро прекратились. В середине смены Денис куда-то исчез. Насовсем. Наверное, родители увезли.

«Все!» — с тоской подумала Галка.

* * *

Как-то после обеда девчонки отдыхали на площадке с турникетами. Подошла Галка. Подсела на скамеечку.

— Ой, глядите! — Брезгливо сморщили носы. — Единоличница! Чего надо?

«Единоличница». А почему? Вроде никого не сторонилась. Наоборот, старалась познакомиться. Не получалось.

...Как-то две девочки — Маша и Катя — дежурили по палате. Самая чистая комната получала приз. Очень ценный. Съедобный.

Маша и Катя любили порядок. И сейчас все просто сияло. Ни пылинки!

— Мы победим! Наверное, сгущенку дадут! Или варенья! — заранее облизывалась Катя.

По правилам в тумбочках — только щетки и зубные пасты. Но Галка не знала, а спросить не смекнула. И оставила майку. Старшая вожатая, проверяя, нашла.

— Это все ты виновата! Нам теперь — ничего! — рыдали девочки.

Галка расстроилась. Она никого не хотела огорчать! «Я не нарочно!!!»

Мальчишки выскочили откуда-то из-за кустов с трубками из репейника и начали обстрел. Пули — из жеваной бумаги. Противно: все равно, что в тебя плюют.

Стреляли без остановки. Девчонки — в визг и врассыпную.

Галка убежать не успела. Мишка Гапонов изловчился и попал ей в глаз.

Все внезапно замерли: мальчишки перестали стрелять, девчонки — вопить: что-то будет...

Растеряннo огляделась по сторонам. Увидела Емелю. Он стоял поодаль, красиво опершись о турник. Чудесные карие глаза смотрели насмешливо.

Галка приосанилась. «Надо ответить достойно».

Подошла к Мишке. Вырвала трубку. Сломала. Бросила на траву.

Тут же их окружили. Образовался ринг. Девчонки в предвкушении интересного зрелища одобрительно зашептались.

Мальчишки вновь потихоньку начали стрелять. Теперь — только в Галку.

Не отступишь. Да и — позор...

«Вот сейчас Емеля...»

Мишка подскочил, неумело размахнулся. Мелкий грязный кулачок прилетел прямо в скулу.

Не испугалась. Удивилась.

Драться ее не учили. Мать говорила: «Бить нельзя: ты же сделаешь другому больно!»

Но, несмотря на слова матери, толкнула. И сама поняла, что слишком слабо. Только раздрадила.

— Давай, Мишка, бей ее! — закричали девчонки. Мальчишки присоединились.

— Видишь, она еще и смеется! — орал Серый, хотя Галка не смеялась. — Врежь как следует!

Мишка осмелел. Стал дубасить куда ни попадя — в лицо, грудь, живот.

«Не могу ответить!» — с ужасом думала Галка, пытаясь хоть как-то защититься.

Двое — Серый и Васька — схватили за руки, заломили за спину: отвечай, как парень!

— Бей!

К счастью, на дорожке, ведущей к площадке, показалась старшая вожатая.

— Кого это — бей? А?

Тут же все растворились. Осталась только красная и всхлипывавшая не столько от боли, сколько от обиды Галка.

Старшая схватила длинными когтями за шкуру.

— Кого это вы тут били? Отвечай!

Галка мелко дрожала, растирая синяки.

— Скажи честно — обзывалась? Сначала дразнятся, потом ревут! — старшая выпустила Галку и, досадливо морщась, ушла.

* * *

За неделю до концерта — итогового за смену, по совместительству конкурса талантов — начали готовить танец. «Райские птицы и Ворона». Райские должны были синхронно кружиться, а Ворона — их ловить. Хищницей хором назначили Галку.

— Не хочу!

— Да как ты не хочешь? У тебя все подходит. И цвет волос, и имя: Галка — Ворона, — Катя хихикнула в ладонь.

— И носик! — осклабилась Маша. Не забыла случая с майкой.

Носик у Галки и правда был красив. Накануне проходили соревнования — прыжки со скакалкой, подтягивания, отжимания...

Галка принимала участие в эстафете. Уже пробежавшие стояли вдоль дорожки длинной шеренгой.

Галка — хуже всех. Когда подлетала к финишу, было понятно: победы не видать.

Гапон высунулся из шеренги и подставил подножку. Под дружный хохот уткнулась в асфальт...

Еще и Ворона?! Нет!

— Хорошо, будешь райской птицей, — недовольно проговорила старшая вожатая.

Начались репетиции. Как назло, Галка простудилась, снова захлебнувшись в бассейне: без Дениса — беда. Заболела и несколько дней провалялась в изоляторе. Так и не запомнила движения. А танцевать пришлось.

Старшая зло шипела из-за кулис:

— Долгова, не туда! Влево! А теперь наоборот — вправо! Ах, ты!.. — и трясла кулаком.

Галка ненавидела, когда ее звали по фамилии. И боялась угроз. От возмущения и страха еще больше путалась.

Отряд занял последнее место.

Девочки были безутешны.

Понимая, что несдобровать, Галка быстро сняла костюм и выбежала из клуба. Думала, успеет.

* * *

На крик прибежала вожатая Таня.

— Что случилась? — Явно испугалась.

— И... из... били! — с трудом выговорила Галка.

— Кого?

Присмотрелась. Понизила голос.

— Кто?

— Трое... Нет, четверо! Мальчишки!

— Не может быть! — Таня развела руками.

Галка зарылась в подушку.

— Ты, наверное, сама виновата...

— Виновата! — Галка рывком села на кровати.

Задрала футболку.

Таня глянула, судорожно сглотнула и отвернулась.

Хотела до самого отъезда отсидеться в палате. Не выдержала.

У столовой столкнулась с Емелей. Окинула презрительным взглядом.

— Мало получила?

— Мало! — запальчиво крикнула в лицо. Задрала нос, развернулась. Очень хотелось побежать.

Нет!

Быстро пошла.

* * *

Вернувшись домой, первым делом попросила:

— Мама, купи мне боксерскую грушу!

— Зачем?

— Буду тренироваться!

— Но драться ж нехорошо!

— Ох, мама. Не представляешь, как хорошо!

Мать пожала плечами.

— Ну, хоть отдай меня в карате!

— Но это же дорого! Мы не потянем.

Грушу купила сама — на подаренные бабушкой деньги. Записалась в секцию при соседней школе. Правда, не карате, а футбол. «Так даже лучше. И — бесплатно!»

Тренер сначала отказал:

— Пришла 6 года два назад!

Настояла.

Было тяжело. В начале тренировки — получасовой бег. Уставала, задыхалась. Заставляла себя.

Потом — игра. В группе — одни мальчишки. Делились на две команды. Капитаны выбирали игроков. Ее не хотели: «Слабое звено!»

Но Галка, стиснув зубы, старалась. Главное — доказать! Всем!

И потихоньку пошло на лад. Разобралась в правилах. Научилась убирать руки. В один прекрасный день заметила одобрительный взгляд самого Волкова — главного в секции. А потом и другие ребята стали смотреть с уважением.

Когда первый раз забила гол и ее команда выиграла, капитан — суровый, никого не хвалил — пожал руку.

— Поздравляю!

Возликовала: «Денис бы мной гордился!»

Дома — еще лучше. Молотила по груше руками и ногами, представляя лицо Гапона. Серого. Васьки. «Вот тебе! На, сволочь! Получай! Нос сломаю! Убью!»

Лицо Емели представить не могла. Не помнила.

* * *

Летом мать снова отправила в тот же лагерь.

Готовилась, но не ожидала.

Опасалась: ну, как снова все четверо?.. Все-таки футбол — не карате.
На всякий случай осторожно попросила оставить дома.
— Почему ты не хочешь? Там же так замечательно! Кормят вкусно!
Признаваться было стыдно.
Упросила записать не в третий, а во второй отряд.

И тут девчонки невзлюбили. Но — тринадцать-четырнадцать лет. У всех — любовь.
Не до Галки.

А Галка за год вытянулась, похудела. Стала самой себе нравиться.
Ребята-одногодки заглядывались. Хмурилась: «Ну вас!»
На первой линейке внимательно рассматривала третий отряд. Ура! Только Гапон.

Встречи не искала. Случилась сама. На той самой полянке...

— Миша! Какими судьбами!

Гапон глянул исподлобья.

— Узнал?

Раскрыл глаза. Побледнел, хотя жарко: стояли на солнце.

«Ка-ак звездану!»

Галка рассмеялась от счастья.

Мишка затрясся, посинел. Глаза все шире, шире...

С интересом разглядывала врага.

Мишка сделал движение: бежать!

— Стой! — Нависла над ним. Улыбка сошла. Ненавидящий взгляд — в упор.

«Сейчас!»

Сколько страха! Из иссиня-белого Мишка стал серым — напоминал облезлого крыска. Глаза вдруг провалились. Жутко и жалко смотрел — одними впадинами.

— Скотина. Урод. Трус.

«Раздавлю гадину! Раскрою череп! Пусть визжит, как свинья!»

Сжала кулак. Занесла руку.

Опустила.

ЗА ЛЮБОВЬ НЕЛЬЗЯ НЕ...

Когда я начала пить? Кажется, после того, как от меня ушла моя любовь. О, нет, гораздо раньше — когда иллюзия еще владела мною. Я нарочно уехала подальше, чтобы победить искушение видаться, писать и звонить.

Да, именно тогда я стала примерно раз в два дня прикладываться к бутылке. Сначала для того, чтобы заглушить муку. Я и в полутора тысячах километров не переставала думать, ежедневно вести внутренние диалоги — о всякой ерунде, подсказанной воображением. Один из последних закончился так: «Быть вашей любовницей не могу, другом — тем более...»

Но это все, конечно — романтические бредни. Он — кобелек, которому нужна сучка. Когда он стоял рядом со мной, роняя слюну, я грустила.

— Ты меня не уважаешь.

Лихорадочно соображал, где и при каких обстоятельствах — словом ли, делом — сучка намекнула, что ей нужно уважение... Да вроде нет — отдалась без всяких условий.

— Давай встретимся и поговорим насчет моего к тебе уважения.

— Поздно.

— Ну, если ты этого хочешь...

Если раньше меня постоянно терзало присутствие любви, то отныне я страдала, что ее больше нет.

Я часто забиралась на Казантип и с высоты осматривала бухту, море, которое лениво плескалось, не утруждая себя волнами. Горячее солнце слепило глаза и жгло кожу. С собой брала подаренную щедрыми кубаноидами фляжку с самогоном. Располагалась на какой-нибудь кочке, доставала из рюкзака пластиковый стакан, маленький желтый арбуз и нож. Аккуратно нарезала ломтики, очищала от косточек. Наливала и пила в одиночестве, пока не падала тут же, на выжженную, поросшую неизвестным сухостоем землю. Проспав до заката, собирала остатки пира и спускалась, ложилась спать уже в номере, чтобы через день снова подняться на старую гору и продолжить. Падение.

Потом я стала приходить на мыс каждый день. А потом...

Я испугалась, что не смогу вернуть жизнь — про любовь уже понимала, что невозможно. А жить мне хотелось. По крайней мере, не улыбалось подышать вот так — на горе, в окружении быля и мелких змеюк, сновавших под ногами.

Однажды это уже было — десять лет назад. Осенью 2003-го, гнилой изнутри. Я стою на детской площадке рядом с одной из своих работ. В руке — баночный коктейль. Говорят, самые опасные: быстро привыкаешь.

Без любви. Без диплома. Без нормальной службы — тружусь в детсаду, в школе для девиантов — по три дня. А по воскресеньям — кассиром в кафе. В ночную. Мне только двадцать два. А уже, кажется, ни на что не гожусь. И как же я себя ненавижу! И пью. Каждый день.

Люблю уютные октябрьские вечера. Темнота, морось, желтые фонари. Тихий двор. Никто не пройдет, не посмотрит с укором, не скажет ничего. Можно спокойно стоять и дышать. Полчаса. Потом побегу к метро, и — домой: к головной боли, одуряющей пустоте и зеркалу с плачущими глазами.

А пока отдыхаю. Тихонечко пританцовываю. Делаю неловкое па и валюсь прямо в грязь.

Как же все невыносимо глупо. И стыдно. Нет ничего отвратительнее пьяной женщины, лежащей в грязи. Отвратительнее может быть только, если эта женщина — ты.

Мне, вообще, везет — еще ни разу не попала толпа ублюдков, готовых растерзать. А сестре — не улыбалось. Она почему-то всюду встречала таких. Отец бегал по окрестным дворам и вытаскивал ее — из-под одного, другого, третьего. А потом лежал в больнице с нервным срывом или пил...

Помню один случай. Откуда я его выловила — из сна, из яви? Какая-то женщина ведет своего сына в детский сад. Вернее, не ведет. Он идет сам и все время смотрит на маму. И такими глазами... Не передать, что в них: боль, ужас, стыд, страх лишиться матери, страх, что она оступится и упадет — все сразу. А она идет — косо, зигзагами; ее всю раскачивает, как от сильного ветра. Она постоянно спотыкается. Ее сын в такие моменты отчаянно вскрикивает: «Мама!» Но вот впереди — препятствие, которое женщине не преодолеть, — гигантская лужа. Она с минуту топчется рядом, думая — в обход или прямо. Решает: в обход. Но голова ее не успевает отдать приказ ногам. И они несут ее как раз в середину. Она делает два шага и падает: очевидно, в этом месте — дыра.

Сын подбегает к ней и уже ничего не кричит. Присаживается на корточки рядом с ней. Он не чувствует холода и влаги. И уж тем более не думает о мнении окружающих — плевать ему, так же как и им. Общими руками пытается растолкать маму. Но

она спит. А, нет, не спит — рядом с головой возникают пузыри и раздаются невнятные звуки. Мама очень хочет встать — но не может. Она лежит, мычит и вот-вот захлебнется, а сын, сидя рядом, запрокидывает голову, зажмуривается, открывает рот и заходится плачем... Слезы лишают его последних сил, и он ложится рядом с матерью. Над поверхностью лужи — только его сморщенное, внезапно постаревшее лицо.

И никто даже не пробует помочь им. Раз лег — значит, помирай.

Может, я увидела будущее сестры, которое так и не состоялось.

О, моя сестра-близнец — во всем, кроме судьбы!

Однажды я ей рассказала, как девочки-девиантки из моей школы вытравливали плод. Сначала доставали спринцовку и лимонный сок, много лимонного сока. Затем — прыгали в горячую ванну...

Она залила в ванну почти кипяток! Как она вообще туда залезла?! С огромными красными волдырями по всему телу, оравшую так, словно жгли заживо, сестру увезли на «скорой». А плоду — хоть бы что!

Врачи сжалились.

После больницы она неделю ходила потерянная. Стала как будто ниже, хотя мы одного роста. Глаза куда-то провалились. Я видела такие у одной девочки — в интернате для слепых и слабовидящих. У той была аномалия — сдавленный с обеих сторон череп. И глаза смотрели на мир из каких-то бездонных дыр.

Такие теперь были и у сестры. Она все время пыталась поговорить со мной — заглядывала в лицо, робко старалась обнять или хотя бы взять под локоть... А я оттолкнула ее.

Я понимаю. Ребенок от женатого мужчины. Презрительные взгляды соседей. На пару лет отсутствие работы, друзей, себя. Стыд.

Не дождавшись помощи и утешения, она отправилась к подруге. Там выпили. За любовь, конечно, тоже.

Видела ли она рассвет?

Так началась моя зрелость. С тоски и неизвестного ранее тупого и страшного одиночества. С осознания непоправимой ошибки.

«Никогда не крути любовь там, где живешь, работаешь и учишься». Эту заповедь — на правах старшей, родилась раньше на двадцать минут — я заставила Машу выучить наизусть. Но сестра ей никогда не следовала.

Когда она пришла с первого свидания со своим профессором — билась в истерике.

«Маша! Что с тобой?»

«Ты не представляешь! — кричала она и хватала ртом воздух. Задышалась. — Как он гадко, омерзительно, страшно тяжел!»

Чуть успокоившись, показала мне его фотографию. Обрюзгший мужчина лет шестидесяти с чем-то. Умные равнодушные глаза. Свиной живот...

Я знала все подробности их интимной жизни. Все о его жене, детях. О близких приятелях, с которыми он знакомил Машу...

Эстафетная палочка.

«Ты врешь! Он хороший! Возьмет в аспирантуру. Тему диссера подкинет. Публикацию устроит! Ты завидуешь!»

Да, да, да...

Я хотела, чтобы в Машином пищевом институте прошел вечер ее памяти. Чтобы я читала на нем стихи, посвященные ей. Но вечер такой никогда не состоится. И стихи я писать не умею.

Много раз ходила к профессорскому дому — знала адрес от Маши. Стояла под окнами. Все думала: надо рассказать. Но код мне не известен, да и номер квартиры — тоже. Потом повадилась к нему на работу. Надеюсь поймать у главного входа.

Однажды столкнулась. Сказала, кто такая. Оглядел мутным взглядом. Узнал.

— Пойдем.

Мы зашли в его кабинет: стул, стол, ноут. В углу — кожаный диван.

— Раздевайся.

— То есть?

— Что — «то есть»? Куртку можешь повесить сюда. Остальное сложишь на стул.

— Это шутка?!

Профессор подошел ко мне вплотную.

— Я тебе что-нибудь должен? Нет. Ты от меня чего-то хочешь? Да.

И — более нежно:

— Давай побыстрее. У меня дела, — и поцеловал в шею.

Почему меня не вырвало прямо там, а только на улице?

Ничего я не добились. Разве что почувствовала себя...

Сестра говорила, что он хотел — или не хотел, просто красивые слова — развестись, а на ней — жениться. Думаю, у него было много таких. Маленьких дурочек, вчерашних школьниц, поверивших неизвестно во что. На самом деле он просто нуждался в молодом теле. Полагаю, у них в институте это дело поставлено на поток — иначе зачем работать за копейки? При этом — негласное правило: никаких разводов.

Хоронили их вместе — отца и Машу. Папа лежал в гробу белый, строгий. Сестра — в закрытом: шестнадцатый этаж...

Тихий снег. Мы с мамой молчим. Николо-Архангельское — тоже. Видимо, люди стараются не умирать в декабре. Вот прибежала одна женщина. Веселый шелест пакетов. Зашла в ограду поблизости. Что принесла? Ах, елочка — живая, пушистая.

Воткнула в снег. Вынула из пакетов игрушки. Украсила елку. Села рядом на скамеечку. Смотрит — улыбается...

— Мама, гляди! — Киваю в сторону женщины.

Мама вскинула глаза. Побледнела, зашаталась.

Вижу сон. Огромное, тянущееся до горизонта поле. Серо-коричневая земля, только-только освободившаяся из-под снега. Кое-где — лужи. Весна. Унылая, похожая на осень.

Поле поделено на участки — без строений, отделенные друг от друга только металлической оградой, покрашенной в желтый безрадостный цвет. Один из этих участков — мой. Я лежу на земле в большом ватном пальто. Мне не холодно и не сыро. Но неуютно.

Между двух столбов висит калитка. Ветер играет ею, мотая из стороны в сторону. Ее невозможно закрыть — она не подходит по размеру. И у нее нет замка.

По молочно-белому тревожному небу ровными рядами плывут одинаковые по форме серые облака. К некоторым из них, как к гигантским воздушным шарам, привязаны корзины. Они пусты.

Ветер бросает в лицо странные осадки — нарезанную на полоски, сантиметр на пять, белую бумагу. Ее много, очень много — столько, что она буквально запорашивает глаза.

Я лежу на спине. Рядом — скорее, знаю, чем вижу, мешают сугробы из бумаги — друг. От него идет тепло.

Сквозь бумажные вихри чудится какое-то странное существо в просторной одежде. Оно движется по полю, как будто что-то ищет. Голову и лицо скрывает капюшон. Существо излучает опасность.

Ветер, стелющийся по земле, внезапно оттаскивает меня от друга. Я пугаюсь. Я боюсь остаться одной — наедине с вихрем из бумаги и существом. Но в последний момент мой невидимый друг хватается за мою теплую руку и подтягивает к себе. И мне становится хорошо. Нет больше страха. Нет одиночества. Нет смерти.

Просыпаюсь, понимаю: это Маша спасла меня. Но теперь я должна помочь ей. Спасти.

Через день после того, как я выбросила фляжку, он приехал ко мне на Казантип.

Я стояла над обрывом, обдуваемая ветром.

— Элина! — тихо позвал он.

Я не обернулась. Представила, что меня уже нет. «Эля? — Подбежал к краю скалы, стал высматривать внизу. Какая жалость! Только приехал...»

Слышу свой голос:

— Иди сюда! Будем арбуз есть. Желтый!

Облегченно выдохнул. Подошел. Улыбнулся:

— Первый раз желтый арбуз поем.

Мне хорошо. И спокойно.

Потянулся к моему рюкзаку.

— А выпить есть?

— Нет.

Захотел поцеловать. Уклонилась:

— Не в этом счастье.

Удивился, вскинул бровь.

Показала рукой:

— Вот в чем!

Степь и скалы. Море. Ветер.

— Когда-нибудь будешь вспоминать только это — желание, надежду. Предвкушение. Чистую радость.

Усмехнулся:

— Но ты же знаешь, чем все кончится.

— Не факт. Вот приползет какая-нибудь гадюка, укусит — и привет.

Насупился.

— Шучу!